

ПРОГРЕССИВ ИЛИ ПОТЕНЦИАЛИС: О ЕДИНИЦАХ, МОТИВИРУЮЩИХ ГРАММЕМУ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА В ЛЕЗГИНСКИХ ЯЗЫКАХ*

Керим Керимов (ДГУ, Махачкала)

Kerimk@mail.ru

Наблюдения над материалом различных языков показывают, что категория вида в них предназначена, прежде всего, для актуализации ситуации либо как факта, либо как процесса. Модель русской категории вида – явление весьма специфическое. Её главная особенность – синкретичное выражение видов и СД. Это препятствует разграничению собственно видовой семантики, грамматической по своим функциям, и признаков СД, принадлежащих лексической семантике. Значения видов и СД дискретно выражаются во многих неславянских языках, в частности, дагестанских. Значения СД в них выражаются средствами словообразовательного уровня, а конкретно-процессная и конкретно-фактическая функции – граммемами вида, не связанными с СД, как в русском. Но и в русском языке основной функцией для граммемы НСВ является конкретно-процессная, для СВ – конкретно-фактическая.

Поиски средств реализации этих функций в других языках приводят к выявлению видовых оппозиций иной структурной организации. В них морфологически выраженным оказывается аспектуальный признак процессности (прогрессивности, длительности и т.п.). Ю.С. Маслова пишет, что имперфект ряда языков – это маркированная недостижимость предела. Именно для процессной функции свойственна тенденция к кодированию в грамматических средствах. Проявлением этой тенденции является описательность, аналитизм таких грамматических форм (ср.: англ. *is / was... reading*, лезг. *кхызва* ‘пишет’ < *кхыз* [писать-IPF-CONV] + *ава* [быть-PRES]). Т.е. во многих языках (германских, романских, кавказских и др.) обнаруживаются видовые оппозиции, в которых маркированной является граммама НСВ. Структурную организацию таких оппозиций и оппозиций несловоизменительного типа можно представить следующей схемой:

1. Схема видовых оппозиций.

Вид несловоизменительный, типа русского		Вид словоизменительный, типа лезгинского	
Инфинитив СВ < деривация >	инфинитив НСВ	инфинитив, нейтральный к СВ и НСВ	
↓	↓	↙ ↘	
Формы врем.	формы врем.	форма СВ < альтернатива >	форма НСВ
		↓	↓
		формы врем.	Формы врем.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 07-04-00060а

Такая организация словоизменительной категории вида означает, что видовое значение не обязательно имеется во всех формах парадигмы. Оно не актуализировано в инфинитиве (ср.: “простое, голое выражение идеи действия” [Пешковский 1956: 143]). Будущее или желательное / нежелательное действия (в имперетиве) связаны с гипотетичностью. В этих случаях действие не предстаёт как реально совершившееся или совершающееся. Оно не обладает перцептивностью, следовательно, и актуализация его как наблюдаемого процесса или наблюдавшегося события не обязательна.

Словоизменительный статус вида предполагает и иные взаимоотношения между формами глагола. Грамматические **формы (!)** СВ и НСВ представлены одной словарной единицей – словом, понимаемым как совокупность его форм словоизменения. В словоизменительной категории вида соотношения между формами СВ и НСВ, с одной стороны, и между ними и представляющей их словарной формой глагола, с другой стороны, должны быть такими же, как соотношения между временными формами между собой и с представляющим их инфинитивом. Как русский инфинитив не имеет значений времени, так инфинитив (или соответствующая ему по содержанию и функциям форма) в словоизменительной парадигме вида (типа лезг.) не имеет значений, которые есть у его видовых форм. Видовые значения в большей степени релевантны для презентных форм типа:

2. Пример лезг. видовой оппозиции.

НСВ	СВ
1. <i>Къаварал циф ацукъ-з-ава</i> (през.) 'На крыши опускается (садится) туман'	2. <i>Цуькверал чиг ацукъ-на-ва</i> (перф.) 'На цветах роса (села-есть)'
3. <i>Хуьре жив къва-з-ва-й</i> (паст през.) 'В селе снег шел'	4. <i>Хуьре жив къва-н-ва-й</i> (плюсквамперф.) 'В селе снег лежал (выпал-был)'

Формы 1 и 3 в этих парах выражают процессное состояние, формы 2 и 4 – перфектное состояние. Различие между ними именно видовое, т.к. темпоральные значения, одинаковые для пары 1 – 2 и пары 3 – 4, выражаются аффиксами *-ава / ва* ‘есть, имеет место’; *-ва-й < ава-й* ‘было, имело место’. Одинаковый у форм и корень *къва-*. Видовое различие между формами связано с аффиксами *-з-* и *-н-*. Их вычленимость видна и из сравнения с формой будущего времени: *Пака жив къва-да* ‘Завтра снег **пойдет**’, - где вид не актуализирован.

Функции аспектуальных оппозиций лезгинских языков в принципиальном плане не отличаются от функций русской *несловоизменительной* видовой оппозиции. Есть все основания считать эти оппозиции *словоизменительной* категорией вида. Разграничивать вид, типа русского, и вид, типа лезгинского, при помощи разных терминов *вид* и *аспект* представляется излишним. Ведь мы не обозначаем разными терминами категорию числа или времени в разных языках из-за различий в их проявлении. Вид словоизменительного типа есть во всех

нами-ярлыками *причастие*, *деепричастие* скрывает их специфику, создаёт представление об установленности их грамматического статуса. Между тем их особенности требуют дополнительного изучения, а возможно, и поиска иных дефиниций (“ярлыков”), точнее отражающих их грамматические свойства.

Форма причастия прошедшего времени лезгинского языка (4 в схеме) членится на корневую морфему и суффикс *-й(u)* или *-р*. Такая членимость устанавливается из регулярной оппозиции с формой аориста (5 в схеме). Напр.:

4. 'застревать, вязнуть'	<i>акIа-й</i>	'полоть'	<i>эчIе-й</i>	причастие
	<i>акIа-на</i>		<i>эчIе-на</i>	аорист
'видеть'	<i>аку-р</i>	'есть(кушать)'	<i>тIуь-р</i>	причастие
	<i>аку-на</i>		<i>тIуь-на</i>	аорист

Делить полученные морфемы далее (по крайней мере, синхронно) оснований нет. Анализ дистрибуции аффиксов *-й(u)* и *-р* позволяет предложить следующие решения.

Суффикс *-р* имеют причастия с узкими гласными *-у-* или *-уь-* в исходе корневой морфемы (всего мы нашли таких 16). Остальные причастия, с широкими гласными *-а-* и *-е-[э]* в конце корнеморфемы, оформлены суффиксом *-й(u)*. Эта закономерность подтверждается данными диалектов, где появление *-р* вместо ожидаемого *-й* сопровождается сужением гласного корня – *а > у*, *е > уь*:

5. 'рушиться' *уьцIв-е-й > уьцI-уь-р*,
 'резать(скот)' *тукIв-а-й > тукI-у-р*,
 'тащить, тянуть', 'курить' *чIуьв-а-й > чIуь-у-р* и др.

В варианте причастия на *-й* согласные корня – лабиализованные. Они считаются первичными. Делабиализация согласных сопровождается переносом губной артикуляции на последующий гласный [Талибов 1980: 227–246]. Исходя из этого и предлагается указанная последовательность вариантов, где первичным предстаёт причастие на *-й(u)*, являющееся к тому же и основным. В современном языке обсуждаемое причастие имеет аффикс *-й(u)*, а в сохраняющихся диалектных и редких литературных вариантах – *-р*.

Аффикс *-р* имеют также архаичные причастия с противоположным, дуративным аспектуальным значением, причём гораздо чаще. В них эта морфема трактуется как отголосок пралезгинской видовой оппозиции *терминатив ~ дуратив* с показателями $\emptyset \sim -р$ соответственно [Алексеев 1985]. Аффикс дуративного значения *-р*, таким образом, оказывается в терминативных причастиях вместо ожидаемого *-й*. Это нарушает соотношение аффиксов *-й ~ -р* современного терминативного причастия и архаичных форм дуративного причастия.

Появление в причастиях прош. времени с узким гласным в конце корня показателя *-р*, вместо ожидаемого *-й*, можно объяснить факторами фонетической комбинаторики – для лезгинских языков характерен переход от артикуляции узких [у, уь] к артикуляции [р], но не [й] (ср. "...конечный *-р-* в них < в единичных глаголах кризского и будухского языков – К.К. > вызван исходом

основы терминатива на узкий гласный" [Алексеев 1985: 82]). Различий в значении между вариантами этих причастий с суффиксами *-й* и *-р* нет. Ср. :

- б. *гата-й юкIун кьвечIияр* '(из) рубленого мяса чуду' И
туьквендай кьачу-р фу 'в магазине купленный хлеб';
кIела-й ктаб 'прочитанная книга' И
чIугу-р пIанIрус 'выкуренная сигарета' и др.

Интересные наблюдения даёт сравнение обсуждаемого причастия с формой т. наз. "самостоятельного причастия будущего-общего времени" [Абдулмуталибов 1997: 94–103]. В отличие от причастий прош. времени, оно всегда образуется суффиксом *-р(и)*. Имеются в виду единицы, встречающиеся в яркинском, курахском, ахтынском, фийском, кубинском диалектах и редкие в литературном языке. В литературном им соответствует форма, образуемая от временной формы будущего-общего суффиксом *-й* (*лугьу-да* 'скажу' > *лугьу-да-й* '(тот) который скажет / (то) что будет сказано'). Диалектная форма на *-р(и)* имеет оттенок архаичности, встречается в идиоматических сочетаниях и в поэтической речи, где может использоваться для ритма и рифмы (она короче на один слог, ср. *лу-гьу-дай* и *лу-гьур*; у классика лезгинской поэзии Етима Эмина – годы жизни 1838–1885 – эти формы встречаются значительно чаще). Прим.:

7. *лугьун* 'говорить / сказать' – *лугьу-р* 'который будет, может говорить / что будут, можно говорить';
авун 'делать / сделать' – *ийи-р* '(тот) кто сделает / (то) что будет делаться'. *Захь ийир-тийир амач* 'Я доведён до отчаяния, не знаю, что же ещё мне сделать (досл.: За-мною **делаемого-неделаемого** не осталось)';
хьун 'иметь место, случаться / случиться' – *же-р / ри* '(то) что будет, нечто возможное'. *Ам жери кIвалах туш* 'Этого не может быть (досл.: это **возможное** дело не есть)';
акун 'видеть / увидеть' – *аква-р* 'который увидит / (то) что можно увидеть'. *Аквар (/ аквадай) гьаларай* 'По-видимому';
хьун 'пить' – *хьва-р* 'пьющий / предназначенное, пригодное для питья' *хьва-р инсан* 'пьющий человек', ср.: *хьва-й(и)* 'выпивший / выпитое' – СВ.

Форма *хьва-р* 'пьющий / пригодное, предназначенное для питья' – это реконструируемый в [Алексеев 1985: 75–89] пралезгинский дуративный аспект. Существенным является то обстоятельство, что причастия, совпадающие с исторической основой дуратива, образованы все одинаково – посредством суффикса *-р*, но не *-й*. Они, действительно, предстают как пережиток пралезгинской оппозиции *терминатив ~ дуратив* ($\emptyset \sim р$). Корневая часть этих дуративных причастий всегда совпадает с основой деепричастия на *-з*, от которого образуются все современные формы НСВ. Т.е., причастие будущего-общего – это основа НСВ (исторический дуратив) без каких-либо преобразований. Это даёт основание считать такой же видовой основой и причастие прош. времени, вернее – причастие СВ.

Признание рассматриваемых форм причастиями означает, что образующие их суффиксы *-й* и *-р* выполняют функции, распределённые, например, в русских причастиях между деривационными адъективирующими суффиксами и реляционными флексиями рода и числа. Ср.:

8. рус. *выпи-ви-ий* – это тот, кто выпил, *выпи-т-ое* – это то, что выпили И ЛЕЗГ. *лугъузва-й / лагъа-й гаф* 'сказываемое / сказанное слово', *лугъузва-й / лагъа-й кас* 'говорящий / сказавший человек', *чIугъазва-й / чIугу-р гада* 'курящий / куривший парень' и *чIугъазва-й / чIугу-р nlanIрус* 'выкуриваемая / выкуренная сигарета'.

Морфем, адъективирующих глагол, т.е. суффиксов причастия, в лезгинском языке нет. Морфологической транспозиции глагола в причастие не происходит. Об этом свидетельствует тот факт, что эти же формы функционируют и в качестве финитных. Суффикс *-й* выполняет тогда лишь функцию разведения момента речи и времени ситуации, образуя формы относительного времени. Напр.: *СултIана вич хкведа лугъузва* 'Султан **говорит**, что придет' – *СултIана вич хкведа лугъузва-й* 'Султан **говорил** (тогда), что придет'. Аффиксы *-й* и *-р* могут быть отнесены и к показателям реконструируемой М.Е. Алексеевым [1985] аспектуальной оппозиции, и к утраченной лезгинским языком категории грамматических классов [Мейланова 1964: 330]). Но логично предположить, что и аспектуальная характеристика действия, обозначенного глагольной основой, и атрибутивная связь действия с субъектом или объектом могли устанавливаться именно через соотнесение процессуального признака с определяемым посредством классовых показателей (ср.: "Пралезгинские адъективы, видимо, имели также классовое словоизменение ..." [Алексеев 1985: 66]). Лезгинские глагольные формы, употребляемые в адъективной функции, не являются причастиями в привычном понимании. Все они, кроме причастия прош. времени, совпадают с соответствующими формами индикатива. Напр.:

9. *цазва-й (< цаз-ва)* 'сажающий / (нечто)сажаемое', а также 'сажал / сеяли'. *Сала цазвай намадурариз яд це!* 'Помидоры, **сажаемые** (сейчас) на огороде, полей!'. Ср. *Папа сала намадурар цазвай* 'Жена на огороде **сажала** помидоры'; *цазма-й (< цаз-ма)* 'продолжающий сажать / (нечто) ещё сажаемое', а также 'ещё сажал'. *Цазмай ник 'ещё засеваемое поле'*. Ср. *Самира гилани серкер цазмай* 'Самир до сих пор чеснок **сажал**'; *къатканама-й (< къаткана-ама)* 'ещё спящий / лежащий', а также 'ещё спал'. *Къатканамай гада* 'Спящий ещё мальчик'. Ср. *Зун хтайла, гада къатканамай* 'Когда я вернулся, мальчик **ещё спал**' и др.

Эти единицы трудно признать причастиями в традиционном понимании. Их восприятие в качестве адъективов полностью обусловлено синтаксической позицией. Употребление их в функциях и индикативов, и причастий свидетельствует о том, что аффикс *-й* не является морфемой, адъективирующей глагол. Роль этого аффикса заключается лишь в синтаксическом соотнесении содержания словоформы, к которой он присоединяется, с различными компонентами контекста. В содержательном плане эта соотнесённость различна:

10. а) аффикс *-й* соотносит содержание формы с определяемыми субъектом или объектом *цазва-й (< цаз-ва)* 'сажающий / (нечто)сажаемое', а также 'сажал / сеяли'. Это косвенно подтверждается и наличием в родственных языках в этой позиции показателей грамматического класса определяемого. Ср. в арчинском языке: I кл. *ххутту*, II кл. *доххотту-р*, III кл. *боххотту-б*, IV кл. *ххотту-т* 'вставший'. Это субъектно-объектная соотнесённость аффикса *-й*;

б) соотносит временную форму, к которой он присоединяется, с гипотаксисами различного содержания, или с обозначенным контекстом или ситуацией моментом наблюдения, отстранённым от момента речи:

1) *Вахт хъана-й-тIа* (< *хъа-на-й-тIа* 'стало-бы-если'), *зунни хкведа-й* (< *хкве-да* 'вернусь') *хуьруьз* 'Если бы было время, я тоже приехал бы (вернулся бы) в село'. В данном случае он соотносит действие сказуемого с предикатом условного оборота. Назовём это соотносённостью с условием;

2) *Чун хквезва-й-ла, рекьер къуранва-й* 'Когда мы возвращались, дорога была сухой'. Здесь соотносённость временная. Как видим, аффикс *-й* в сказуемом требует его наличия и в конвербе одновременности;

3) *Накъ рагъ ава-й, къе серин я / Лагъ бала, Севдуюгъум ...*(нар. песня) 'Вчера светило (было) солнце, сегодня пасмурно / Скажи родная, Севдуюгом'. Здесь время, с которым координируется действие сказуемого, обозначено наречием *накъ* 'вчера', с ним и соотносит аффикс *-й* временную форму. Ср. *Къе рагъ ава* 'Сегодня солнечно' без *-й*.

Таким образом, аффикс *-й*, присоединяясь к временным формам индикатива, может соотносить их содержание (а) с субъектом или объектом действия, с временем его осуществления, отстранённым от момента речи (б2 и б3), с условием его осуществления (б1). Именно эта обобщённая соотносённость и лежит в основе полифункциональности форм, присоединяющих аффикс *-й*. Следствием такой обобщённости грамматического содержания и является возможность функционирования этих форм в роли причастий. Причастие – это лишь одна из функций этих форм. Достаточно определённо можно утверждать, что обсуждаемые формы не являются причастиями в собственном смысле, роль причастий и предикативных форм выполняют одни и те же единицы. Следовательно, единицы, выступающие в функциях причастий в лезгинском языке, не предстают как получаемые путём адъективации финитных форм глагола. То же самое можно сказать и о т. наз. причастии прош. времени.

Эта единица в [Гайдаров 1987: 100] определена как "собственно причастная форма". Действительно, это – единственная форма лезгинского глагола, последовательно выступающая только в функции качественно-действенного определения имени, свойственной причастиям. Она также оформлена аффиксом *-й(и)*, а иногда *-р*, но в отличие от уже рассмотренных форм не содержит аффиксов темпорального значения, т.е. *-й*, *-р* добавляются не к временным формам, а непосредственно к корнеморфеме. Аффикс *-й(и)* отчленяется от этой формы из оппозиции с аористом (*фе-й / фе-йи* 'ушедший' – *фе-на* 'ушёл'). У них абсолютно совпадает корневая морфема. Вариант на *-йи* имеют односложные глаголы. Короткий вариант характерен для разговорной речи, а вариант на *-йи* для нормированной. Помимо стилистической и экспрессивной окраски, иных различий конечный *-и* в эти формы не вносит. Аффикс *-й / -й-* имеет равнозначный в функциональном плане вариант *-р / -р-*. Эти варианты, в зависимости от принимаемых принципов сведения морфов в морфему, можно трактовать либо как алломорфы, либо как синонимичные морфемы, но их функциональная общность представляется достаточно прозрачной. Отметим, что основания имеются для обоих решений. Учитывая обусловленность использования *-р* или *-й* характером предшествующего гласного, их можно трактовать как алломорфы. С другой стороны, возводимость этих морфем к классным показателям даёт основа-

ние считать их представителями экспонентов разных классов, сохранившихся только в функции соотнесения действия с определяемым. Но при любом решении *-р* и *-й* являются показателями одной граммемы.

В родственных языках в этой позиции выступают показатели грамматического класса имён. Ср., например, в цахурском: *йикъи-р* (I и II кл.) *эдеми / хьыдыл* 'умерш-ий /-ая мужчина / женщина' и *викъи-б* (III кл.) *йиван* 'сдохшая лошадь'. Лезгинский язык систему грамматических классов имён утратил, и причастие здесь не согласуется в классе с субъектом или объектом действия. Но функцию согласования в классе правомерно рассматривать как производную от соотнесения процессуального признака с его носителем. Согласование в классе в лезгинском не сохранилась, вследствие чего произошла почти полная унификация морфемы – *-й / -й-*. Только в некоторых, фонетически обусловленных случаях *-р*. Но обе морфемы последовательно выполняют функцию соотнесения процессуального признака с его носителем.

Причастие прош. времени, не содержащее аффиксов темпорального значения, и словоформы, выступающие в функциях индикативов и причастий, образуются одними и теми же морфемами – *-й* и *-р*. Первые употребляются всегда в препозиции к определяемому, в функции, свойственной причастию. Для совмещающих форм роль адъективов также возможна только в препозиции к определяемому. Следовательно, относить к причастиям эти формы не представляется возможным. Признаки морфологического плана оказываются для этого нерелевантными, поскольку морфемы *-й* и *-р*, которыми они оформлены, трудно считать показателями, характерными для причастия как класса словоформ. Эти же морфемы и с не меньшей регулярностью оформляют финитные и таксисные формы глагола. Причём, между употреблениями этих аффиксов в разных формах прослеживается сходство функционального плана – соотнесение содержания формы с различными компонентами контекста высказывания.

Таким образом, так наз. причастие прош. времени имеет аффиксы *-р* или *-й / -йи*, дистрибуция которых обусловлена факторами фонетического (выбор между *-р* и *-й*) и стилистического (выбор между *-й* и *-йи*) плана. Эти аффиксы оформляют корневые морфемы, далее нечленимые. В отличие от совмещающих форм, собственно причастная форма не имеет в своей структуре аффиксов темпорального значения. Отнесённость обозначаемого ею действия к плану прошедшего имплицитно обозначается значением СВ. Поэтому правильнее будет именовать такую грамматическую единицу **причастием совершенного вида**.

Исходя из словоизменительного статуса категории вида и отсутствия в обсуждаемых единицах морфологической транспозиции в деепричастия или причастия, логичнее называть их *формами несовершенного вида*, аналогично *формам настоящего* или *будущего времени* в словоизменительной категории времени. Но эти единицы традиционно трактуются как деепричастия или причастия. Более внимательный анализ их содержания и функций даёт основание сомневаться в точности этих определений.

Известно, что в языках с морфологическим выражением грамматических значений корневым морфемам глаголов всегда сопутствуют морфологические показатели каких-либо граммем. К таким языкам относятся и лезгинские языки. Простейшие глагольные словоформы в них состоят из грамматически немаркированного корня и аффикса. Такие словоформы показаны в схеме 3 выше. Формой НСВ является 4-я – *гъиз*. От этой единицы образуются все модально-временные формы НСВ. Содержанию этой единицы больше других отвечает термин *прогрессив*. В том смысле, что она отражает ситуацию в её развитии во времени относительно момента восприятия. Эта единица совмещает функции деепричастия и инфинитива, а аналогичная хиналугская – причастия и инфинитива. В цахурском, рутульском, арчинском языках лезгинской группы форму на *-с*, имеющую общность с обсуждаемым лезгинским прогрессивом, трактуют как граммему *потенциального* вида, будущего времени, инфинитива:

11. рут.: *рагъа-с-ды* хъед ‘питьевая (которую пьют / можно пить) вода’; ср. *рагъара* ад ‘пъёт (пьющий есть)’, *рагъыр* ад ‘выпил (перфект)’, *рагъыри* ‘выпил (аорист)’;

цах.: *илегъа-с-ны* хъян ‘питьевая (которую пьют / можно пить) вода’; *ийгъе-с-ны* джуваб ‘слово, которое можно говорить (предназначенное для этого)’; *гокъла-с* ‘тереть’, буд. вр.;

арч.: *цIабус* керттут лълъан ‘вода, которую можно пить’, *къе-с* ‘мёрзнуть’, инф, *цIарттут* лълъан ‘питьевая вода’, *цIабу* ‘выпил’.

Диахронически обсуждаемые формы лезгинских языков на *-з*, *-с* возводятся к пралезгинской форме целевого наклонения на *- *с*. В большей части лезгинских языков формы НСВ имеют показатели *-р*, и реже *-л*, *-н*, *-j*. Аффикс *-р* возводится к пралезгинскому *-*р*. В самом лезгинском языке аффикс *-р* образует единицу с потенциальным значением, равнозначную приводимым выше формам потенциалиса на *-с* рутульского, цахурского, арчинского языков. В лезгинском и удинском языках единица, равнозначная НСВ других этих языков, оформляется аффиксом *-з* / *-с*. Эту форму мы и называем прогрессивом, от неё образуются все единицы НСВ. В других лезгинских языках этот аффикс образует форму потенциалиса (инф., дееприч., основы потенц. вида, буд. время).

Такое соотношение даёт основание полагать, что единица с потенциальным значением не становится видовой основой форм НСВ потому, что значения потенциальности, буд. времени несовместимы с чётко выраженной конкретностью, перцептивностью действия-процесса в презентных формах НСВ. Лезгинские языки можно группировать по общности в них единиц, выступающих в роли основ, от которых образуются маркированные граммемы НСВ.

Литература

- Абулмуталибов Н.Ш.* 1997 – Отглагольные образования в лезгинском языке.
- Алексеев М.Е.* 1985 – Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков: Морфология. Синтаксис. – М.: Наука.
- Гайдаров Р.И.* 1987 – Морфология лезгинского языка (Учебное пособие). – Махачкала: РИО ДГУ.
- Керимов К.Р.* Видовые оппозиции в русском и дагестанских языках (к определению грамматического статуса категории вида в русистике) // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. – Махачкала, 1997(6). – С. 131 - 133.
- Керимов К.Р.* Категория вида в лезгинских языках (черты агглютинативной тенденции) // Международный коллоквиум Европейской ассоциации кавказоведов. – Мюнхен, 2000. – С. 39.
- Комри Б.* 2001 – Общая теория глагольного вида // Труды АС–1. – С. 115–121.
- Кошмидер Э.* 1962 – Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида / Сост. проф. Ю.С. Маслов. – М.: Изд. иностр. лит-ры. – С. 105–167.
- Маслов Ю.С.* Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании // Вопросы глагольного вида. – М., 1962. – С. 7 – 32.
- Маслов Ю.С.* К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. – Л., 1978. – С. 4 – 44.
- Мейланова У.А.* 1964 – Об отражении категории класса в именах существительных дагестанских языков // Уч. зап. ИИЯЛ. Т. XIII. Сер. филол. – Махачкала: Изд. Даг. филиала АН СССР. – С. 5–25.
- Перцов Н.В.* Русский вид: словоизменение или словообразование? // Типология вида: Проблемы, поиски, решения. – М., 1998. – С. 343 – 355.
- Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.
- Плунгян В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику. – М. 2000.
- Порциг В.* 1962 – О способах действия индоевропейских презентных образований // Вопросы глагольного вида. – М.: Изд. иностр. лит-ры. – С. 41–72.
- Русская грамматика.* Т. I. – М., 1980.
- Талибов Б.Б.* 1966 – Грамматический очерк лезгинского языка // Талибов Б., Гаджиев М. Лезгинско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия. – С. 538–602.
- Талибов Б.Б.* 1980 – Сравнительная фонетика лезгинских языков. – М.: Наука.
- Тихонов А.Н.* Виды глагола и их отношение к слово- и формообразованию // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Т. 3. – М., 1997.
- Хайдаков С.М.* 1967 – Арчинский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. – М.: Наука. – С. 608–626.
- Цеплинская Ю.Э.* К вопросу о виде как языковой универсалии // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Т. 3. – М., 1997. – С. 187 – 195.

- Черткова М.Ю.* 2001 – Инварианты русского вида и аспектуальные универсалии // Труды АС–1. – С. 191–209.
- Шелякин М.А.* Основные проблемы современной русской аспектологии // Вопросы русской аспектологии. – Воронеж, 1975. – 5 – 27.
- Якобзон Г.З.* 1962 – Из рецензии на книгу Якоба Вакернагеля “Лекции по синтаксису” // Вопросы глагольного вида. – М.: Изд. иностр. лит-ры. – С. 39–40.
- Ярцева В.Н.* Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языка // Типология грамматических категорий: Мещаниновские чтения. – М. 1975. – С. 5 – 23.